

Иван Прыжов: история пьянства и трезвости в России

В этом году исполняется 170 лет со дня рождения даровитого русского историка, публициста, бытописателя Ивана Гавриловича Прыжова, чей главный труд приобрел особую значимость в наши дни.

"Странная личность"

... Это было в 1867 году. В книжный магазин М. Вольфа вошел невзрачной наружности человек лет 40-45, одетый в рубище и, показывая толстую, исписанную крупным почерком рукопись, обратился к хозяину с вопросом: «Не купите ли у меня эту "штуку" для издания?». Тот с удивлением посмотрел на странного "продавца рукописи" и, сомневаясь, чтобы этот оборванец мог быть автором ее, спросил, кому принадлежит рукопись. "Это мой труд, - ответил посетитель. - Он заключает в себе историю кабаков в России". Странная тема, равно как и странная личность автора, заинтересовали Вольфа. Он принял рукопись для просмотра, обещал дать ответ через две недели и спросил адрес у своеобразного писателя. "Адрес? - произнес загадочно тот. - Этого я указать не в состоянии. Сегодня я в ночлежке, а завтра, быть может, выгонят оттуда... Уж лучше я за ответом сам зайду" [1]. К счастью для автора решение издателя было положительным.

Приведенные воспоминания как нельзя лучше передают первое впечатление от И. Прыжова, которого многие современники называли "странной личностью".

Отец его, Г. Прыжов (1793-1858), был из вольноотпущенных крестьян подмосковного села Середникова. В 1812 году девятнадцатилетним юношей он вступил в Московское ополчение урядником 4-го пехотного казачьего полка. Участвовал в Бородинском сражении и Заграничном походе русской армии. По окончании войны служил в московской Мариинской больнице для бедных до 1817 года швейцаром, а позже, до конца жизни - писарем. В этой больнице 22 сентября (4 октября по новому стилю) 1827 года и появился на свет И. Прыжов. Шестью годами раньше здесь родился Ф. Достоевский, отец которого служил в больнице лекарем и, по словам И. Прыжова, был "добрым приятелем" его отца, Прыжова-старшего. Прыжов сохранил детские воспоминания о знакомстве с будущим писателем.

"Воспитание получил я по разным причинам, нисколько не зависящим от отца, самое отвратительное - хуже сына последнего дворника в Петербурге", - вспоминал позднее Прыжов в своей "Исповеди". "Болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития, я был отдан в гимназию (1-ю Московскую), поистине лбом прошиб себе дорогу и в 1848 году кончил курс одним из первых с

А ф а н а с ь е в Александр Лукьянович - кандидат исторических наук, доцент Томской государственной академии систем управления и радиоэлектроники.

правом поступления в университет без экзамена" [2, с. 11, 12]. На избранный им историко-филологический факультет Московского университета Прыжов не был принят. Препятствием послужило его низкое происхождение. Тогда он поступил на медицинский факультет и, числясь там (в течение года), три года слушал лекции сначала на историко-филологическом, а затем на юридических факультетах. Покинув университет, зарабатывал себе на жизнь службой в низших должностях коллежского эскутера и коллежского регистратора в Московской палате гражданского суда, в конторах частных железных дорог.

В свободное время вел упорную исследовательскую работу по изучению истории, устного народного творчества, народного быта России и Украины. На скромное жалование - 23 рубля в месяц в течение 14 лет — собрал богатую историческую библиотеку. Ездил для занятий в Императорскую публичную библиотеку в Петербург. Освоил ряд европейских языков, изучал, по собственным словам, "быт народа, ходя по деревням и уездным городам губерний Московской, Тверской, Владимирской". Между прочим бывал и в родном селе отца Середникове, еще помнившем пребывание здесь М. Лермонтова (летом 1829, 1830 годов) и принадлежавшем двоюродному дяде великого поэта - герою Крымской войны А. Столыпину, отцу будущего председателя Совета министров России П. Столыпина.

В 1868 году Прыжов оказался без работы. Поиски подходящего места и надежды поправить положение изданием собственных сочинений оказались тщетными, что усилило и без того острое недовольство действительностью, вызвало глубокий душевный надлом. В 1869 году он стал членом организации "Народная расправа", возглавляемой известным революционным проходимцем С. Нечаевым, прообразом П. Верховенского из романа Достоевского "Бесы". (Сам Прыжов послужил прототипом Толкаченко - героя того же романа.) Вскоре Нечаев выдвинул против соратника-студента И. Иванова ложное обвинение в предательстве и убил его, втянув как соучастников в преступлении четырех других членов организации, в их числе и самого старшего по возрасту И. Прыжова, которому было 42 года (в то время как каждому из остальных не было и тридцати). В том же году Прыжов был арестован и на процессе нечаевцев в 1871 году осужден на 12 лет каторжных работ и вечное поселение в Сибирь.

Путь на каторгу лежал по Сибирскому тракту через Иркутск, где наш герой провел в остроге первые месяцы 1872 года. Каторгу отбывал на Петровском заводе в Забайкалье (ныне город Петровск-Забайкальский Читинской области), с 1881 года жил там же на поселении.

Выход на поселение совпал с ухудшением общественно-политической обстановки, последовавшим за убийством народовольцами царя-преобразователя Александра II. Прыжов жил в бедности, лишениях, болезнях. Занимался научной и литературной деятельностью. Печататься под собственным именем бывшему государственному преступнику было невозможно. Изредка удавалось поместить немного из написанного в столичных журналах под псевдонимами. Тяготы жизни ссыльного разделяла его жена - украинка О. Мартос, добровольно приехавшая к месту ссылки мужа. Прыжов переехал ее на полтора года и умер 27 июля (8 августа) 1885 года одиноким и бездетным.

Исследователь народной жизни

Прыжов принадлежал к Демократическому направлению русской историографии 1860-1880-х годов. В отличие от историков, изображавших прошлое России как историю государства (вспомним "Историю государства Российского" Н. Карамзина), Прыжов, по собственным словам, ставил своей целью "на основании законов исторического движения... проследить все главные явления народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования и вплоть до нынешнего дня...". В русле этой большой задачи им были созданы работы о русских нищих, кликушах, московских пророках и юродивых, о быте Малороссии по памятникам ее литературы с XI по

XVIII век и ряд других, большей частью не увидевших свет по цензурным условиям [3].

В 1858-1863 годах в связи с подготовкой замены питейных откупов общей акцизной системой Прыжов создает основательную трехтомную "Историю питейных откупов в России в связи с историей народа". Четыре очерка из нее удалось опубликовать в 1864 и 1866 годах в журналах "Развлечение" и "Русский архив" (переизданы в 1934 году в книге: Прыжов И.Г. "Очерки, статьи, письма"). Не ранее 1866 года историк дополнил первый том событиями, происшедшими после отмены откупов, и затем продал его для издания М. Вольфу за сравнительно небольшую сумму в 250 рублей. Книга увидела свет в 1868 году под названием "История кабаков в России в связи с историей русского народа". Два ненапечатанных тома, подробно описывавших кабацкий быт, Прыжов сжег, опасаясь, что "печатать теперь такую книгу — значит донести на народ, значит отнять у него последний приют, куда он приходит с горя..." [2, с. 19].

В чем заключается ценность "Истории кабаков" Прыжова? Несмотря на отдельные недостатки (преувеличение иноземного влияния - татарского, еврейского - в насаждении пьянства, встречающиеся неточности в цитировании, неполные библиографические ссылки), это - первое и до настоящего времени единственное обстоятельное исследование по истории питейного дела и пьянства в России, на Украине и в Белорусии с конца I тыс. нашей эры до середины 1860-х годов включительно. Оно содержит исчерпывающую для своего времени сводку сведений, почерпнутых из обширного круга опубликованных отечественных и зарубежных источников и сочинений историков, а также собранных в ходе непосредственного "полевого" изучения современной Прыжову кабацкой жизни. (Последнюю историк знал не только как исследователь, но - увыв - и как завсегдатай питейных заведений.) Написанная прекрасным языком ярко и страстно, эта книга приобрела особый интерес в последнее время, когда сначала с отменой государственной монополии на продажу алкоголя многочисленные хмельные ручьи и реки слились в огромное море, затапливающее Россию, а теперь и государство пытается протянуть руки к доходам от спаивания народа. У наших современников, по существу, отсутствуют правильные научные представления о прошлом алкогольного вопроса, что долгое время не позволяло выработать верного отношения к происходящему.

Какое место занимало питье в жизни народа? Что способствовало распространению пьянства? Как относились к нему наши предки? Попытаемся найти ответы на эти и другие вопросы в "Истории кабаков в России..."

Прыжов о "питьях" в средневековой Руси

Прыжов сообщал, что "пьянства в домосковской Руси не было, не было его как порока, разъедающего народный организм" [4, с. 10]. Что позволило историку сделать такой неожиданный вывод?

Во-первых, русские употребляли *слабоградусные* напитки: брагу, мед, пиво, квас (крепостью от 1 до 6 градусов - процентов спирта), опьянение от которых несильно и действует сравнительно непродолжительное время.

С X века на Руси было известно и привозное (из Византии) вино, но в силу дороговизны и плохо развитой сети путей сообщения оно было доступно главным образом городской знати и богатым людям, которые, тем не менее, как и простой люд, употребляли большей частью местные "питья". Нужно учесть и то, что тогда изготавливали только получаемые путем естественного сбраживания сухие вина, их крепость была невелика - от 9 до 14 градусов. Крепость *употреблявшихся* вин была по крайней мере еще в два с половиной раза ниже, ибо, как указывает современный историк В. Похлебкин, до середины XII века вино на Руси "употреблялось только разбавленным водой, так же, как его пили в Греции и Византии" (греки разбавляли вино водой в соотношении 1:3 или 2:5) [5].

Прыжов подчеркивал, что *искусственный* (получаемый путем *перегонки*) крепкий алкоголь - водка - был впервые открыт арабским медиком и химиком Разесом (ар-Рази), родившимся в 860 году. "В XIII веке водка является в Европе и до XVI века употребляется как лекарство или эссенция и продается по аптекам". Как напиток она становится известной на Руси также только с XVI века [4, с. 44].

Во-вторых, употребляемые напитки были, как правило, домашнего производства (т.е. пил тот, кто изготовил) и *напиваться допьяна не было принято*. "Человеку, вышедшему из дикого состояния, немисливо, чтоб он дома у себя или в питейном доме упивался пьяным питьем и чтоб, напиваясь по одиночке, упивались все..." [4, с. 24].

Заключение историка кажется столь необычным, что для того чтобы удостовериться в его справедливости, прибегнем к свидетельству стороннего очевидца - австрийского дипломата С. Герберштейна, побывавшего в Москве в 1517 и 1526 годах, чьи "Записки о Московии" современные ученые оценивают как одно из наиболее полных и достоверных описаний Русского государства XVI века. В главе "Праздники" Герберштейн пишет: "Именитые либо богатые мужи чтут праздничные дни тем, что по окончании богослужения устрояют пиршества и пьянства и облачаются в более нарядное одеяние, а простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы - дело господское. Граждане и ремесленники присутствуют на богослужении, по окончании которого возвращаются к работе, считая, что заняться работой более богоугодно, чем растрчивать достаток и время на питье, игру и тому подобные дела. Человеку простого звания воспрещены напитки: пиво и мед, но все же им позволено пить в некоторые особо торжественные дни, как, например, Рождество Господне, Масленица, праздник Пасхи, Пятидесятница и некоторые другие, в которые они воздерживаются от работы..." [6, с. 103].

Таким образом, у Герберштейна описана та же ситуация, о которой говорил и Прыжов: еще в первой половине XVI века на Руси из хмельных напитков употреблялись пиво и мед, простой народ пил их либо крайне *редко* - в годовые церковные праздники: Пасху, двенадцатые праздники, либо не пил вовсе. Совместное изготовление и потребление алкоголя носили ритуальный (обрядовый) характер, было необходимым условием поддержания общественных связей. За провинность человека лишали права посещать не только церковь, но и мирские застолья.

Итак, у восточных славян и великороссов в первые века государственности существовало естественно сложившееся соотношение между трезвостью как обычным состоянием повседневности и нечастым - праздничным, обрядовым - легким опьянением, когда употреблялись в основном слабоградусные "питья" домашнего изготовления.

Государев кабак

Положение изменилось начиная примерно с 1552 года, когда Иван IV, возвратившись после взятия Казани, завел царский кабак в Москве. Этот кабак, писал Прыжов, "полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде свободную торговлю питьями, т.е. корчму, корчемство, и заводить царевы кабаки, т.е. места продажи напитков" [4, с. 45]. Одновременно выходили запреты для простого народа - посадских людей и крестьян - на домашнее изготовление хмельных "питей".

Кабаки коренным образом отличались от питейных заведений прежнего типа - корчем. Если в корчме можно было есть и пить - это было своеобразное *место общения*, досуга, то кабак стал чисто *питейным заведением*. Здесь можно было только пить, закуски не подавались. Если доходы корчем складывались естественным образом, то на каждый кабак органами государственного управления был положен определенный размер выручки - *оклад*, который должен был собираться при любых условиях и обязательно "с прибылью против прежних лет". При недоборах, указывает Прыжов, "казна не принимала никаких оправданий, - ни того, что народ пить не

хочет, ни то, что пить ему не на что, - и настоятельно требовала недоборной суммы". В случае недобора заведовавших кабаками кабацких голов и целовальников, *а чаще обязанных их избирать посадских людей* и крестьян ждал правеж [4, с. 70, 71].

О том, что представлял собой *правеж*, читаем у А. Олеария, немецкого ученого и дипломата, наблюдавшего наказания в Москве во время путешествия через Россию в Персию и обратно в 1635-1639 годах. Должник "сажается в долговую тюрьму, и каждый день его выводят перед канцеляриею на открытое место, и целый час гибкою палкою, толщиною в мизинец, бьют по голеним, причем избиваемые зачастую от сильной боли громко кричат. (...) По вынесении этих мучений и надругательств должник или опять отсылается в тюрьму, или должен представить поручителей, что он на следующий день вновь явится на место и даст себя вновь бить" [7, с. 288].

Таким образом, у народа, по сути дела, не оставалось выбора: или пей в казенных кабаках, платя за хмельное пойло звонкую монету, или воздерживайся, но в этом случае кабацкие деньги для казны из населения все равно будут выбиты. Для большинства психологически был более оправдан первый путь. Ведь в этом случае человек получал за свои деньги хоть "что-то", а не отдавал их даром.

Чем было вызвано начавшееся жесткое насаждение пьянства "сверху"? Прыжов показывает, что продажа алкоголя стала средством получения больших дополнительных доходов для государства, а позже - для феодалов-винокуров (производителей алкоголя) и откупщиков, покупавших у казны право продажи спиртного в отдельных местностях.

Алкоголь и государство-империя

Позволим себе отступление по поводу сказанного Прыжовым. Чем объясняется то, что при Иване III и Василии III проводились серьезные меры по ограничению употребления спиртного¹, а с Ивана IV было начато спаивание населения? Дело здесь вовсе не в злом татарском влиянии, усматриваемом историком. (Из Казани было заимствовано лишь слово "кабак", но по содержанию казанские кабаки были совсем иными заведениями, чем московские. Как признает сам Прыжов, это были *постоялые дворы*, где продавалась еда и питье.)

Причины болезни общества обычно коренятся в самом обществе, а внешние влияния могут лишь усугублять ее течение. В данном случае введение кабаков явилось следствием превращения при Иване IV Московской Руси в государство-империю. В демократическом государстве, как пишет томский философ В. Головкин, человек ощущается и по существу является частицей Целого, и это Целое не покушается на жизнеспособность составляющих его частиц. В государстве как империи народ, нация становятся заложником имперской идеи. Идея отделяется от народа и становится самодостаточной, и люди из *элементов* Целого становятся *средством* для него. Империя как бы медленно пожирает народ, на теле которого первоначально возникла.

Главной причиной возникновения и дальнейшего развития государства-империи в России, как и в некоторых других странах (Древний Рим, Византия), был быстрый рост размеров страны. Присоединение (часто - завоевание) и необходимость удержания, освоения ("переваривания") земель, населенных другими народами, требовали от правящих классов имперской политики. При Иване IV границы Московской Руси были впервые широко раздвинуты за пределы собственно великорусских областей. В состав ее за какие-то 25 лет были включены обширные территории Казанского и Астраханского ханств, часть Предкавказья, Южный и Средний Урал, положено начало присоединению Сибирского ханства.

¹ От редакции: отметим в порядке дискуссии, что эти меры и могли создать ту благостную картину "непьющей Руси", которую зафиксировали для начала XVI века Герберштейн и Прыжов. Это все равно, что судить о пьянстве в СССР по временам М. Горбачева.

Младший современник Прыжова замечательный русский историк В. Ключевский указывал, что "у нас по мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода. Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа". И далее: "Государство пухло, а народ хирел" [8, с. 8, 12].

Империя нуждалась в средствах и черпала их отовсюду ("деньги не пахнут!"), в том числе и за счет расширения сети кабаков. Примечательно, что среди преемников Грозного в развитии кабацкого дела Прыжов особо выделял Петра I. "Петр, - писал он, - воротившийся в августе 1698 года из путешествия, вешал на виселицах крамольную Москву и приступал к своей реформации. Средством к его реформаторским затеям по-прежнему служили кабаки, и Петр шел в этом случае по пути своих предшественников: Петр принялся облагать питье и еду народа" [4, с. 123]. (О насильственном насаждении Петром I дикого пьянства в высших слоях русского общества, в том числе среди женщин, см. также у Ключевского [8, с. 35-37].)

Как и Иван IV, Петр получил печальную известность истощением народных сил. Если Грозный опустошил Русскую землю четвертьвековой Ливонской войной и опричниной (один из его современников писал, что это был муж "на рабы, от бога данные ему, жестокосерд, на пролитие крови дерзостен и неумолим, множество народа от мала и до велика при царстве своем погубил, многие города свои попленил и много иного содеял над рабами своими"), то Петр сделал то же Северной войной, продолжавшейся 21 год, строительством на народных костях новой столицы - Петербурга, истреблением россиян в ходе жестокого подавления народных восстаний и бунтов. При нем численность тяглового, т.е. трудового, несущего основные подати и повинности населения уменьшилась, по некоторым сведениям, на 1/5 - не в последнюю очередь за счет гибели людей, - а налоги на душу населения выросли в три раза, расходы на армию стали поглощать не менее двух третей доходов государственного бюджета!

Добавим, что уже в наше время третьим в ряду *великих кабатчиков* стал И. Сталин. В 1925 году после 11-летнего перерыва он возобновил государственную водочную монополию и постоянно расширял производство и продажу всех видов алкоголя [10]. Как и его предшественники, он строил империю - теперь уже коммунистическую - и делал обширные территориальные приобретения, подрывая силы народа внутренними и внешними войнами. При нем в Россию-СССР вошли вновь или были включены: Западная Украина с Закарпатьем и Буковиной, Западная Белоруссия, Бессарабия, Прибалтика, Тува, Восточная Пруссия (Калининградская область), Южный Сахалин и Курилы.

Следует признать, что все трое - Иван Грозный, Петр I и Сталин - решали действительно *насущную* задачу своего времени - создание единой Державы на просторах единого геополитического пространства - Евразии, но, будучи одержимы этой идеей, они не учитывали цены принимаемых судьбоносных решений и тяжелых последствий для народа, держащего на себе, подобно мифическому Атланту, *бремя империи*.

Итак, выкачивание с помощью водочного "насоса" средств из народа и, соответственно, его спаивание явились необходимым условием для содержания мощной армии, строительства и дальнейшего существования в России государства-империи.

Новый характер употребления спиртного

Прыжов показывает, что с введением кабаков в великорусских областях изменился характер употребления опьяняющих напитков. С одной стороны, распространилось употребление преимущественно крепкого алкоголя - водки, - вызывающего более сильное опьянение, чем традиционные напитки русских. (И, добавим, действующего более продолжительное время. Например, по современным научным данным, кровь

очищается почти в два раза медленнее от полбутылки водки, чем от четырех бутылок пива, у мужчины весом 80 кг, соответственно, за 11 и за 6 часов.) Масса потребляемого спиртного перестала складываться естественным путем. Питие превратилось в своеобразную повинность, объем ее жестко и корыстно определялся сверху государственным питейным ведомством, постоянно увеличивавшим алкогольный "урок". Алкоголь перестал быть продуктом домашней выделки, который можно потреблять без жадности, и постепенно превратился в условиях натурального хозяйства и дефицита денег в покупную диковинку, в объект ажиотажа и "престижного потребления" ("не в закон, но в упой").

Все это вызвало к жизни у части населения обильное, оглушающее употребление алкоголя. Появились завсегдатаи кабаков "питухи", пьянство для них стало повседневным явлением.

Иными словами, традиционное соотношение между трезвостью и нетрезвостью для русских с середины XVI века начало изменяться сперва насильственно, а потом по инерции и в связи с логикой развития культуры.

Народ и пьянство

В "Истории кабаков" рассказывается о жестоком правиле, по которому "при нарушении по какому-нибудь случаю питейного интереса не принимались никакие оправдания и следовали кары" [4, с. 224].

Так, любимый народом епископ Воронежский Тихон (1724-1783), впоследствии причисленный Русской Православной Церковью к лику святых, весной 1765 года в языческий праздник Ярилы, сопровождающийся пьяным разгулом, стал кротко поучать народ отказаться от пьянства. Люди, вняв поучению, разбили бочки с вином. С тех пор празднование дня Ярилы навсегда прекратилось в Воронеже. "Но преосвященному Тихону подвиг этот даром не прошел. Откупщики донесли, что он смущает народ, учит его не пить водки и тем подрывает казенный интерес, а вследствие этого доноса, в половине 1767 года, Тихон должен был отправиться на покой... Народ, благодарный за доброе слово, проводил своего епископа со слезами" [4, с. 223, 224]. В результате выдающийся 43-летний архиерей, чья деятельность задела питейные доходы казны и откупщиков, был уволен государственным "духовным" ведомством - Святейшим Синодом от управления паствой и удален в монастырь.

Очень ценными являются сведения Прыжова об изначательном отрицательном отношении народа к кабацкому делу: «Сначала народ и духовенство просили снести кабаки, потому что после государева кабака жить не можно, т.е. "не в мочь", нельзя, и кабаки сносили; но потом уже никто не просил, и рядом с кабаками для вина, пива и меду заводились *квасные кабаки...*» [4, с. 59]. (Здесь и ниже выделено И. Прыжовым.)

Русские люди по своей воле не желали служить в питейных заведениях. "Народ... всеми силами старался отделаться от выбора в кабацкие должности". Примерно то же наблюдалось и на Украине: "украинский народ ни за что не решается *торговать в шинках*"; "*украинский народ отказывается брать в аренду шинки*", подчеркивал Прыжов, цитируя источники [4, с. 63].

Одним из первых историк осветил широкое крестьянское трезвенное движение 1858-1859 годов в русских, литовско-белорусских и украинских губерниях. Оно было направлено против обирания трудящихся посредством продажи водки низкого качества по завышенным ценам и вынудило правительство отменить винные откупа. Вслед за Н. Добролюбовым Прыжов подчеркивал народный характер выступлений, в ходе которых принимались приговоры об отказе от употребления казенного вина (водки), образовывались общества трезвости, а нередко и подвергались разгрому кабаки: "И вот без всяких уговоров, без всякой стачки, без всякого постороннего вмешательства народ сам собою перестает пить вино... *И все это - должно теперь признаться - делалось по одной лишь инициативе народа*" [4, с. 245].

Прыжов подчеркивал, что отмена откупов, когда право торговли водкой продава-

лось казной ограниченному числу откупщиков, и переход с 1 января 1863 года к свободной продаже алкоголя всяким лицом, заплатившим акциз (налог с продажи "питей"), не принесли облегчения. За несколько лет после 1863 года "число кабаков, увеличившись примерно в шесть раз, перешло за полмиллиона" [4, с. 261]. Рассмотрев статистические сведения об итогах введения акцизной системы, в том числе от продажи дешевой водки, оставшейся от откупов, Прыжов пришел к выводу, что "последствием всего этого было увеличение числа умерших *от употребления вина и опившихся до смерти*" [4, с. 268-270]. То же мы наблюдаем и в наше время.

Очень важным, заставляющим серьезно задуматься, является и следующий вывод историка: "Но и теперь, как и всегда прежде, далеко не весь народ пьянствовал, а потому хлеб сеялся по-прежнему, портной и сапожник по-прежнему шили платье и сапоги, и весь мир шел своим порядком..." [4, с. 268]. Иными словами, *пьянство не было всеобщим* (и это подтверждается рядом источников), и русское общество продолжало существовать и развиваться за счет созидательной деятельности прежде всего непьющей и редко пьющей части народа.

Наследие Ивана Прыжова и современность

То, что сделал Прыжов, правомерно назвать научным и гражданским подвигом. Осмелившись преступить негласный запрет на освещение прошлого и настоящего питейного дела, чего до него не решался сделать никто из историков и правоведов, он впервые создал основательное исследование, позволяющее современникам и потомкам судить о корнях и развитии явления, которое в настоящее время выросло в опасность, не на шутку угрожающую России.

До него считалось, что пьянство - это как бы исконная русская традиция. (При этом, как отмечает сам автор, неверно истолковывались слова, вложенные древнерусским грамотником в уста великого князя Владимира: "Руси есть веселье пити, не можем без того быти" [4, с. 10].) Книга Прыжова убеждает в обратном, показывая, что пьянство как общественное явление в его крайних выражениях первоначально (со второй половины XVI века) было насильственно навязано россиянам сверху и лишь затем расширенно воспроизводилось. Это происходило как в силу мощной системы "*окабачивания*" населения, так, для части последующих поколений, и в силу тяжелых социальных условий (пили "с горя"), и в силу появившихся обычаев, имевших не столь уж давние корни.

Подтачивая благосостояние и здоровье народа, пьянство одновременно расшатывало и само государство. Московское царство, "сгубив независимые области, в самом себе не нашло никакой жизни, расшаталось и умерло среди смут, крамол и казней... Жив был один лишь московский кабак..." [4, с. 126].

В работе Прыжова нет заключения. Оно либо не было написано, либо изъято при подготовке к печати, так как не могло быть пропущено цензурой. Но все содержание книги показывает безнравственность и недалекновидность попыток строить чье бы то ни было благополучие на спаивании народа.

"История кабаков в России" привлекала внимание читателей и принесла издателю, продававшему ее от двух до двух с половиной рублей серебром за штуку, хороший доход. После осуждения автора с Вольфа была взята подписка, что он "без особого разрешения" книги Прыжова продавать не будет. Оставшиеся в небольшом количестве экземпляры сгорели во время пожара на книжных складах. Сорок с лишним лет спустя, накануне первой мировой войны, в Казани издательство "Молодые силы" выпустило сразу две книги Прыжова - "Нищие на Святой Руси" и "История кабаков...". Тогдашние молодые силы России были уверены, что труды Прыжова нужны всем, кто занимается и интересуется отечественной историей. С тех пор

"История кабаков в России в связи с историей русского народа" ни разу не переиздавалась, а в течение долгих десятилетий и не могла быть переиздана, ибо описанное в ней было слишком похоже на происходившее в СССР до середины 1980-х годов.

Сегодня, в середине 1990-х годов положение с потреблением алкоголя в нашей стране хуже, чем когда бы то ни было с конца XIX века (время, с которого имеются достаточно полные и надежные статистические сведения). В *дореволюционной* России наибольший душевой уровень потребления был достигнут в пятилетие 1906-1910 годов, когда ежегодно в среднем выпивалось всех видов алкогольных изделий - водки, вина, пива - в пересчете на чистый (абсолютный - 100%) алкоголь 3,9 л, в том числе товарного алкоголя, т.е. проданного через торговую сеть, 2,8 л [11] и кустарного - приблизительно 40% от объема товарного, или 1,1 л. Последствия этого воспринимались современниками как столь ужасные и нетерпимые, что вызвали мощное, более чем стотысячное, трезвенное движение по всей стране и решительные ограничительные меры правительства - "сухой закон" 1914-1925 годов с полным прекращением продажи водки. В СССР наиболее высоким был уровень потребления 1980-1984 годов. В частности, в 1984 году - 8,6 л товарного и еще приблизительно 50%, или 4,3 л, кустарного абсолютного алкоголя, итого 12,9 л на душу [12]. Отрицательные последствия этого вызвали широкое возмущение народа и ограничительные меры властей 1985-1987 годов.

Положение в настоящее время рисуют данные исследований видных российских ученых В. Коптюга, В. Матросова и др. Согласно этим исследованиям при критическом, предельно допустимом потреблении на душу 8 л чистого (суммарного) алкоголя в год, уровень этого показателя в России в 1994 году достиг 14-18 л, вероятным последствием чего является физическая деградация населения [13]. При этом уровень потребления спиртного продолжал увеличиваться и в последующие годы. Но даже показатель 1994 года примерно в *четыре раза* превышает наивысший уровень потребления в царской России и в *два раза* - мировой критический уровень. В итоге происходит *вырождение* народа, прежде всего русского, причем общество как бы не замечает этого...

... Заставляют задуматься слова из нравоучительного послания святого преподобного Кирилла Белозерского к князю Андрею Можайскому, приведенные Прыжовым в качестве эпиграфа: "Господине, крестьяне ся пропивают, а люди гибнут".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. Пг.-М., 1916. С. 58.
2. *Прыжов И.Г.* Очерки, статьи, письма. М.-Л., 1934.
3. *Цамутали А.Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х годов XIX века. Л., 1971. С. 142.
4. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. 2-е изд. Казань, б.г. (1914).
5. *Похлебкин В.В.* История водки. М, 1991. С. 29, 30.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
7. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
8. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти томах. Т. 3. М., 1988.
9. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти томах. Т. 4. М., 1989.
10. *Протьюко Т.С.* В борьбе за трезвость: Страницы истории. Минск, 1988.
11. *Влассак Р.* Алкоголизм // Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.-Л., 1928.
12. Стратегия отрезвления. Новосибирск, 1990.
13. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: Проблемы формирования национальной стратегии. М.-Новосибирск, 1996.